

СОН О ДОРОГЕ

Чувство жизни, чувство дороги, идешь, не зная куда,
В чьих-то стоптанных кедах, в заношенных джинсах,
Не интересуясь пейзажем, отмечаешь под ногами окурки.
Денег нет на хорошее курево, обойдешься при случае ими.
Взгляд спотыкается о подкову, неуверенно медлит.
Дорога насмешливо ждет, поднимешь ли с мыслью прибить
На счастье над дверью. Подбросила, чтобы напомнить:
Двери-то нет, не осталось. Квартира отобрана за долги.
Оставь, пускай полежит. Теперь я твой дом.

Все дальше куда-то ведет, убегает дорога, становится миром,
Меняется вместе со временем, с очередным поворотом,
Мимо тесных предместий памяти, деревянных сортиров,
Мимо свежих бетонных надолбов, необжитых новостроек,
Мимо уже обезлюдевших, брошенных, заколоченных досками
(На земле отслужившие книги, учебники, разорванные бумаги),
Мимо грузовика без колес, с портретом вождя на кабине,
Мимо полуразрушенной церкви. На израненном барабане,
Где был купол — гнездо из прутьев, в нем аист кормит птенцов.

Убегает дорога, бежит, такое ее назначение, такая служба, судьба —
Вести, не зная, что дальше. Не стало защитной асфальтовой глади.
Длинное тело изранено вдавливами, колеями, боем копыт.
Меняешься вместе с ней. Документы потеряны или украдены,
Без них забываешь, кто ты. Одиссей начинает зваться Улиссом,
Бродяга оказывается бомжом. Молодежные джинсы со свалки —
От излишеств сытого времени. Оно теперь и подкормит,
Поддержит, лишь бы шел до конца, гадая, что тебя ждет,
Где он, этот конец, сколько тащиться еще до него и зачем.

Чувство жизни: преодолеваешь дорогу, подчиняясь изгибам. Отрезки —
Звенья без цепи. Указатели проданы в металлолом, вдоль обочин
Роскошества новой рекламы, иностранные фирмы, названия —
Чтение вместо газет и журналов, прихотливые граффити, знаки,
По ним красным спреем: «Россия превыше всего!», «Встань с колен!»,
«Кровь, отечество, вера!». Богатырь в картинной кольчуге
Поражает ракетным копьем дракона, изогнутого, как доллар.
«Ура, мы их сделали! Повторим, если надо, вперед, за вождем!»
И белилами стрелка, считай, указатель: вперед, куда же еще.

Марк Сергеевич Харитонов родился в 1937 году. Прозаик, эссеист, поэт, переводчик. В 1992 году стал первым лауреатом русской Букеровской премии (за роман «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»), в 1997 году удостоен французской премии за лучшую эссеистическую книгу года («Prix du meilleur livre étranger essai»). Произведения М. Харитонova переведены на многие языки. Живет в Москве.

Поля превращаются в пустоши, лес в сухостой, большие деревья.
 Дорога становится бездорожьем, рада отдыху от машин.
 Высокочастотная дрожь над головой возносит все выше стрижа.
 Напрягается воздух, пружиня, в нем плывешь невесомо.
 Все закружилось, задвигались, ожило, стали надписи голосами.
 Засветился экран впереди, на экране лицо: седая щетина до глаз.
 Закрывает дорогу, не дает обойти. Кривит усмешливый рот:
 «Устал, не понимаешь? Не узнаешь? Давно не видел себя?» —
 «Я не знаю, как дальше идти. Дороге еще не конец?» —

«До конца ее все не достроят, говорят, уже кончились деньги.
 Разворованы, как всегда. Да тебе и не надо, все увидишь отсюда.
 Технология века, современный дисплей, до сих пор не встречал?
 Вот смотри, обещанье фантастики: энергетическая пирамида,
 В ней семена дадут урожай небывалый. Колокольня теперь минарет.
 Чей-то флаг пустил в землю корни, не вырвешь, не пошатнешь.
 Ограда закрытой воинской части, километры колючей проволоки,
 Что за нею, никто не расскажет, свидетели не возвращались.
 Информация засекречена, съемки запрещены». —

«То есть здесь и остаться? Будто время остановилось». —
 «Наступило безвременье. Кончается мир прежний, привычный». —
 «Шел, боялся, хватит ли сил до конца». — «Уж в этом не сомневайся,
 До конца всех как раз и хватает, так мы устроены по природе:
 Нельзя к нему не стремиться. Идем кто как может, выстраиваем
 Реальность, на какую способны, какую не страшно выдержать,
 Растягиваем чувство дороги, доверяем каждый свое, переносим
 На будущее конец, не свой — мира. Неизбежный, заведомо знаем.
 Только бы не сейчас, еще хоть немного. Благо тому, кто верует,
 Кто надеется на продолжение после конца».

СТАТЬ СОБОЙ

Werde der du bist. Goethe

Стань собой. *Гёте*

Умение быть своим среди не своих, таким же, как все, понятным,
 Прозрачным в мире прозрачных, проницаемых друг для друга,
 Усвоить готовые фразы, понятия, лозунги, правила, не выделяться,
 Не давать на себе задержаться, споткнуться взгляду, не вызывать
 Опасных сомнений, играть при нужде в прятки с самим собой,
 Прикрывая лицо нарисованным на картоне, желательнее никаким.

Хорошо б не ходить на собрания, а тобрякнешь там что-то не то.
 Но ведь спросят, почему не ходил, а пришел, ничего не сказал,
 Хлопал недостаточно громко. Повезло, когда удалось однажды
 Сломать вовремя руку, прийти на собрание в гипсе, в бинтах,
 Показывая: не поднимается аплодировать, голосовать.

Что проще, казалось: на стадионе, на площади, слившись с толпой,
Имитировать правильный энтузиазм, эйфорию, восторженный вой.
Присмотрится сбоку сосед: а ведь ты не кричишь. Разеваешь рот,
А пар из него не идет. Ты не наш? Не за нашего? Как это ни за кого?
Попробуй прожить посреди дерьма, не став при этом дерьмом,
В надежде к концу укрыться где-то, где нет других.

Цивилизация позаботилась: не надейся, найден способ и без людей
Сделать всех беззащитными от надзора, опутать неощутимой,
Всевидающей паутиной. Сама проследит, не отпустит ни на минуту,
Что ты делал, где был, с кем встречался, пересекал ли границу
(Отметит связь с иностранцами), о чем говорил, переписывался,
В какие заглядывал сайты. Пришел ли голосовать, когда нужно,
Поставил ли правильно галочку. Проверит на видео, фото.
Повредишь паутину — сама себя залатает. Придется потом отвечать.
Электронный детектор не даст уклониться. Если одобрит ответ,
Обученный тролль пригласит станцевать, как описано в книге...

Остановись, Цинциннат, опомнись, не поддавайся на танец!
Не дай подчинить свою жизнь виртуальности, знакам, подменам.
Не томись ожиданием, не страшись, твой мир подвластен тебе.
Оглянись, различи вокруг таких же, как ты, услышь их голоса,
Останься с ними собою, освободись, вспомни себя — живи.

ИСКРИВЛЕННАЯ КРАСОТА

Мне рассказывал лесовод-ученый
В заповеднике близ Кивача, где разводят березу карельскую,
С наростами, искривленную, растущую медленно.
Искривленность, говорил лесовод, болезнь обычной березы,
Замеченная лишь в местах, обжитых человеком.
Словно самим присутствием он наделил древесину,
Здоровую, но годную лишь на дрова,
Особой болезненной красотой, придавшей ей цену.
Впору пофилософствовать о работе цивилизации,
Вслед за Ницше назвав человека больным зверем.

* * *

Запущенный сад, паутина коснулась лица,
Гаджет в руках подключен к мировой паутине.
Африканец в бурнусе уставился на дисплей,
Подросток дронит на порнуху, лысоватый очкарик
Выводит ученую формулу, миллионы таких же,
Каждый в своем уголке, добавляют фрагменты
В необозримый пазл, очертаний не различить.
Разрастается сложность. Неуютно без простоты,
Без единого смысла, проверенных авторитетов.

Расслабиться бы, отдохнуть...
Прекрасен запущенный сад,
Паучок затаился в углу. Нет, опять смущает поэт,
Простота, говорит, — уязвимая смертью болезнь.

СЛЕД СВЕТА

Предметы фотографируют,
чтоб изгнать из сознания.

Кафка в беседе с Г. Яноухом

Любуемся: след света на бумаге,
Серый ли, цветной.
Со временем останется лишь он,
Чтоб вытеснить и заменить воспоминание.

Кто скажет: подменить, а кто: обогатить.
Не так ли и поэт, преображая взгляд,
Обогащает жизнь, реальность.

Работа времени: чем больше выцвел отпечаток, тем ценнее,
Развалины тем драгоценней, чем древней.

ЗВУКИ ПОЧТИ ЧТО ТЕ ЖЕ

Звуки почти что те же, узнаваемы сочетания
Тех же считанных нот. Так про напитки скажешь:
Веселят, утоляют жажду, но в одном ощущаешь
Несказанное благородство выдержанного вина.

Чувств не больше, чем нот. Переживаешь радость,
Найдя пропавшую мелочь, ведущий к решению ключ,
Добившись взаимной любви. К запредельным высотам
Возносит духовный поиск, быстрый пьянящий укол.

Формул не так уж много, можешь узнать, если хочешь,
Химическую природу беспокойства и торжества,
Коды природных качеств, цифры космических циклов.
Неясны пока лишь мелочи, ими волшебна жизнь.

Встреча случайных взглядов, дрожь невольной улыбки,
Трепет туманных ресниц, внезапно возникшая мысль,
Блаженный лепет поэта, сновиденье младенца
И эта вот тайна музыки — чего в слова не вместишь.